

Где-то с час он расчищал проход от обломков. Тигра словно с моторчиком в одном месте металась туда-сюда, указывая, какой обломок тянуть, высвободить, а какой ни в коем случае пока не трогать. Этакой полезности от крысы Миха никак не ожидал и не раз ловил себя на мысли, что вряд ли без нее нашел бы этот проход.

— Молодец, матрос! — несколько раз похвалил он Тигру, и она, маленькая подруга и помощница в этом царстве одиночества, расстаралась по полной, не побоялась и обследовала второй этаж, доложив, что там тихо и безопасно, и есть выход на крышу. — Умница ты моя, настоящий разведчик, только не рискуй так больше, ты очень нужна стае.

Тигра пискнула, окутала Оружейника облаками обожания и любви, куснув при этом слегка за мочку уха, и умчалась куда-то по своим делам.

Открывшийся лаз шел под пролет лестницы на второй этаж. Обследовав завал из горы строительного мусора, Войнов высвободил какое-то покрывало, сложил туда оружие и часть вещей из рюкзака, свернул, завязал веревкой, получилась своеобразная торба, привязал и к ней, и к рюкзаку по десятиметровому фалу*. Кое-как протиснулся в щель, дальше — легче, до пролета он добрался без осложнений, там уже можно было размяться, пространства хватало. Подтянув вещи, Михаил решил: все, пора устраивать привал, силы уже исходили. Глотнув воды, они с Тигрой завернулись в теплое верблюжье одеяло. Несмотря на, казалось бы, смертельную усталость, Оружейник еще долго не мог заснуть, вслушиваясь и вслушиваясь в гробовую тишину, возвращаясь и возвращаясь к пережитому бою, наконец стрелка сморило, и его уволокли знакомые земные кошмары, вдруг ставшие детскими безобидными, почти добрыми страшилками.

Проснулся Миха в тепле, почти в комфорте, если бы не старая подруга — змея подколотная.

— Опять ты, сука приставучая, — тихо выругался Оружейник.

Именно та, уже забытая головная боль вернулась, пока едва ощутимыми спазмами. Какой силы она может достигнуть, Войнов знал и доводить до такого не хотел, очень уж неприятными были воспоминания.

«Думаю, нашей терпелки хватит примерно часа так на два, ну три, если припрет, и надо отходить под прикрытие золотого».

Он посмотрел на часы, свет от командирских слегка ослепил. Оружейник усмехнулся:

— Совсем, получается, перешел на ночное зрение.

Захотелось присвистнуть, но выучка не позволила, подарок Бати показывал час ночи, получается, продрых он больше шести часов — произошедшее совсем выбило из колеи. В деталях вспомнился бой с монстрами.

«Страшные противники, если что, осечки не простят, хорошо что взял пару игрушек. Да, и с Новым годом тебя, Войнов Михаил Валентинович. Тигру нужно поздравить», — вспомнил о напарнице мужчина, посмотрел по сторонам — ее нигде не было. Попробовал мысленно связаться — привычная волна обожания, но не к его персоне, а к кому-то другому, удивила. Посыл крыски вовсе не для него предназначался, как и в первый раз, в ее голове царил хаос из образов и запахов, и все в одном клубке, но общее он почему-то уловил. Тигра предупреждала об опасности.

Сверху зашуршало, Оружейник поднял взгляд — по лестничному пролету с огромным отрицательным углом, нарушая закон притяжения, будто на прогулке, странно подергивая лапами, семенила Тигра, а впереди нее полз небольшой темный комочек. Мужчина тряхнул головой, может, это морок, или он еще спит? Ущипнул себя, легонько ударился затылком о бетонную плиту.

— Черт, больно же.

Все приемы использовал, но чудо-альпинисты не пропали, они поступили по-другому. Первой на него прыгнула Тигра, следом — комочек, оказавшийся на поверку материальной тенью. Граммов десять-пятнадцать, не больше — определил Михаил.

— Кто это? — хрипло спросил он.

Крыса, усердно намывая тень, ответила: «Родился, родился... новый, новый, новый... стая, стая... растет, растет, растет... хорошо, хорошо, хорошо... безопасно, безопасно, безопасно».

Что и удалось выдавить из себя Оружейнику, так это:

— Ты полна сюрпризов, Тигра. И когда только успела? Видимо, в эксперимент попала, будучи уже беременной.

Крысенок казался существом из потустороннего мира: милый, невероятно красивый, с яркими ясно-голубыми глазками и шерстью из клубящейся тьмы. Войнов не удержался, погладил малыша, при этом отметив, что, если бы это существо увидели женщины, то со стопроцентной вероятностью затискали бы до смерти.

Что ж, все непонятки с продолжительностью беременности у крыс, количеству приплода, возможностями новорожденного в первые часы жизни ползать по вертикали, не говоря уже о шерсти, вновь придется списать на золотой смог. Оружейник даже не сомневался, этот мелкий ему еще ой как пригодится.

— Быть тебе Тенью, юнга.

Тигра подпрыгнула, заносилась по кругу, буквально оглушив его радостью и обожанием, и очень длинным и запутанным образным посланием. Пришлось постараться, чтобы перевести этот повторяющийся массив, эту крысиную криптографию, увы, ничего внятного не получилось, хотя Миха из этого все равно кое-что вынес: Тигра рада за своего отпрыска, и вроде как Тень хорошее имя, и еще какие-то невидимые когти, они были везде в образе, видимо, что-то важное из послания, но совершенно непонятное. И что его дернуло, офицер не знал, не иначе как жажда знаний.

— Тигра, покажи невидимые когти, — нашелся Оружейник, подумав: «Еще бы понять, что это».

Крыса послушно появилась на его груди. У Войнова аж дыхание перехватило от стремительности, и. . . Тигра сидела на задних лапах, вытянувшись, задрав голову вверх, шикарные усы слегка шевелились.

«Нервничает, будто солдат на осмотре оружия», — улыбнулся мужчина.

Оружия в понимании человека пока не было, но что-то заслуживающее внимания имелось, а что, возможно, это когда-нибудь и станет оружием. На согнутых передних лапах черные коготки Тигры заканчивались почти неразличимыми тонкими прозрачными иголочками

длиной около пяти миллиметров. Миха хотел было к ним прикоснуться, но непонятные образования тут же дымкой развоплотились, исчезли. Оружейник отдернул руку и засмеялся, почти как дети в цирке, наивно и искренне, большой не большой, а фокусы все любят. Что его дернуло, не ясно, в последнее время интуиция и подсознание все больше и больше вмешивались в его жизнь, но офицер подхватил из мусора рядом кусок проволоки, за которую еще держались несколько крошечных фрагментов бетона.

— Уничтожь!

Дальше как в сказке: мышка хвостиком махнула, и проволока распалась. Правда, в нашем случае крыса махнула лапкой. Какое-то время Войнов очарованно рассматривал идеальный, будто сделанный лазером, срез. Приподнялся, провел ладонью по наклонной — там, где давеча путешествовали крыски, на ощупь определил цепочки узких врезов, догадался: «Ага, теперь понятно, как они передвигались по вертикали».

— Слушай мою команду, — обратился Оружейник к Тигре, — мелкого юнгу беречь как зеницу ока, холить, лелеять, усиленно кормить, по всей строгости военного времени воспитывать и обучать. Матрос Тигра как кормящая солдатка переводится на двойное довольствие. Тигре не разрешается вступать в боевые действия до отдельного приказа. Также матросу Тигре за усердие к службе присваивается очередное воинское звание — старший матрос.

Напарница, пискнув, будто поняла, встала столбиком. Миха улыбнулся, мелкий спал рядом на теплом одеяле, свернувшись калачиком, напоминая темный уголек, ровно пылающий черным огнем, оторваться от созерцания невиданной красоты не было никаких сил.

«Сидел бы и смотрел, смотрел... хорошо-то как, — довольно зевнул стрелок и одернул себя: — Делом нужно заниматься».

Дозарядил боезапас в автоматах, жестко помассировал ноги, через боль сделал несколько упражнений.

Пока старший матрос кормила мелкого в соответствии с приказом, Оружейник рассматривал путь, который собирался проделать. Пролезть на лестнице между несущей стеной и самой лестницей? Очень уж узко, можно застрять, с его-то ногами. Это пока не его путь. Получается, рассматривать нужно только левую сторону. Упавшая плита — видимо, верхнее перекрытие крыши-пристройки — смяла перила, выдавив их наружу, придавив всей массой, и только на пяти метрах появился просвет, в который можно было протиснуться. Михаил не сомневался: эти сваренные на совесть перила, частью отломанные, частью лишь погнутые, выдержат его. По ним на руках он поднимется на нужную высоту, а там уж перевернется как-нибудь.

«Будем надеяться, что все пройдет штатно, иного пути нет».

Стрелок открыл банку тушенки, приказал Тигре насыщаться, а сам, взяв в зубы плетенку, полез вверх. Сложности не было, это почти не отличалось от прохождения «крокодила» на любой полосе препятствий, уже на самом верху, на нужной высоте, пришлось, конечно, посопеть, немного переваливаясь, наконец и это получилось. Отлежавшись немного, он полез наверх. Вся лестница была посечена когтями тварей — характерные следы при быстром передвижении.

«Сколько же их здесь было?» — присвистнул Войнов.

Пугающей тишиной и болью от света двух ламп накаливания встретил его второй этаж. Дурак, нечего смотреть на яркий свет. Освещение досталось лишь стрелковой галерее, а лестничная

площадка и лестница, как наверх, так и на крышу здания, находились под властью мрака. Хотя теперь даже полное отсутствие света не могло доставить дискомфорт.

Миха увидел и широкую двухстворчатую, настежь распахнутую железную дверь — выход на крышу, и даже кусочек звездного неба, озадачившего сразу, потому что раньше таких звезд он никогда не видел. Таких ярких, больших, куда уж там Сириусу. Да и температура тут где-то градусов двадцать была, и это при настежь открытых ставнях на крышу, где январь, и даже если небывалая оттепель, все равно не клеится. Загадки, загадки только множились, а ответы опаздывали. Сильно.

Опасности стрелок не чувствовал, да и горького запаха живых тварей не ощущал. Тигра тоже вела себя спокойно, занимаясь юнгой. Оружейник, осматриваясь, снял рюкзак и привалил его к стене, решив обследовать вначале галерею, а потом уже отдаться обзору ландшафта. Он не любил за своей спиной оставлять непонятки, а здесь их было в достатке, взять хотя бы наличие света.

— Что ж, двинули, — то ли для себя, то ли для команды сказал Михаил и отправился исследовать местность.

Пугали, давили различия, совсем недавно здесь звучали живые голоса, смех, играла ненавязчивая музыка, тусовалось множество молодых красивых людей, теперь же в этом месте, как в большом склепе, были одни лишь признаки смерти и могильная тишина.

У крайней стены стрелковой галереи раскинулся лагерь: два блока по пять двухъярусных армейских кроватей, рядом одинокий массивный круглый стол, если не считать стульями оружейные ящики, чуть поодаль у левой стены — кухня с четырехкомфорочной плитой с духовкой и рядом пятидесятилитровых газовых баллонов к ней. На самой стене висели стеллажи с коробками, коробочками, коробушками с сублимированными продуктами и консервами. Отдельно хранились огромные запасы вина, натасканные, похоже, из магазинов разной ценовой категории, дорожные напитки соседствовали с откровенной бормотухой. С противоположной стороны была обустроена минимастерская: два верстака, один с массивными тисками и струбцинами, рядом напольный трубогиб, много разного инструмента, пара баллонов с аргоном, сварочный аппарат и куча материала: нержавейка и дюраль в трубах и прутках. Жилую зону как бы отгораживали сейф, морозильная камера и два торговых автомата. С дистанции в пятьдесят метров все там смотрелось целостно и чисто, даже электрооборудование работало, подмигивая зелеными диодными огоньками, создавая впечатление, что люди покинули это место только что.

Зато там, где находился Михаил, все говорило о серьезном бое: стреляные гильзы разных калибров, выбоины, выбитые куски бетона — работа крупнокалиберного пулемета. По пулевым отметинам Оружейник определил позиции стреляющих, одна группа стрелков вела огонь с лестницы на крышу, крупнокалиберный пулемет отстреливал именно оттуда; вторая группа линией стояла метрах в двадцати от жилой зоны, так же как и первая, ведя огонь фактически в упор.

Войнов осмотрел следы от когтей, тянувшиеся по всей длине лестницы, последней лестничной площадки и стены, на повороте ему стало ясно: на стрелков неслась целая лавина тварей снизу. Мужчина понюхал один из валяющихся патронов, по остаточному запаху пороха определил: бой произошел не более как три-четыре дня назад. Обследовав поле боя, он пришел к ужасающим выводам: «Видимо, монстров было много, очень много, оборонявшимся пришлось взорвать вход, а следом всю пристройку, скорей всего, их предварительно заминировали. По всему, шансов выжить не было, поэтому пришлось идти на такие крайние меры».

Трудно себе представить, что может противостоять плотности огня двух десятков человек с автоматическим вооружением, в таком-то помещении. Возможно, среди нападавших были твари куда опаснее, чем те, с которыми Миха встретился внизу. На подтверждение этого он наткнулся буквально тут же — разорванный пополам «Печенег» говорил о многом. Страшнейшим стал последующий вывод: всех людей, да и сраженных тварей тоже, всех подчистую схарчили, даже кровавую юшку с бетона слизали.

В угнетении Оружейник дополз до жилой зоны. Источник энергии определился сразу — у стены рядом стояли несколько гелевых аккумуляторов и кое-какое оборудование для солнечных батарей, скорее всего, смонтированных на крыше. Приличный немецкий сейф удивил, и что здесь можно хранить? Его явно зачем-то сюда приволокли. Тоже загадка. Большая морозильная камера и стоящий рядом вакуумный упаковщик ясности не прибавляли, а вот два торговых автомата ударили под дых, да еще как. Казалось бы, что такого, вездесущие шоколадные батончики и кофейный аппарат, если не считать четверть мешка мелочи рядом. Эта страшная картина до белых губ напугала Войнова. Два, пять, рубль — монеты без всякого уважения были рассыпаны вокруг. Наконец Миха осознал масштаб катастрофы, его будто силы покинули, стекли куда-то в бетон. Он лежал, уткнувшись в холодный пол, рядом жалобно попискивала Тигра, чувствуя мучительное опустошение человека. Оружейника лихорадило, это и вправду конец. Государства, которому он служил, больше нет...

— Нет, нет! — мужчина завыл, как умирающий зверь.

Положение спас юнга. Когда к твоей щеке прикасаются нежные лапки мелкого, жалобно и плаксиво попискивающего, это даже не соломинка, а целое бревно. Тут еще Тигра, свалив что-то со стола, громыхая и упираясь, со всем усердием тащила добычу к командиру. Это оказался отличный снаряженный тактический пояс, и какой тяжеленный, удивительно, как только доперла, настоящий трофейщик.

— Ну спасибо, старший матрос, — искренне обратился Михаил к Тигре и потянулся к девяносто второй «Беретте» — великолепный мощный пистолет, пригодится как оружие последнего шанса.

Крыса, перепрыгнув руку, заскребла по притороченной фляге, посмотрела на Оружейника и опять усердно заскребла по металлу.

— Что, хочешь, чтоб я это выпил? — Оружейник ощутил уверенность, пришедшую от Тигры, узрев черную картинку, где вместо солнца фляга с лучами и множество маленьких человечков внизу. Достал из подсумка фляжку, открутил пробку, принялся. — Да это беленькая! Во как, солнечная настойка, живая вода, значит. Ну да, многие от Калининграда до Шикотана так же считают. Давай за них за всех, пусть побольше в живых останется, — мужчина выдохнул, лихо глотнул и скривился, передернув плечами. Пойло оказалось отвратным. — Ух и зараза! Это что угодно, только не водка и даже не первач.

Однако после ощущений, будто пришлось откусать самогона на дерьме попугая, по телу прокатилась волна тепла, попутно сметая, смывая не хуже золотого смога ставшие уже привычными боли.

«Вот же, и вправду живая вода, — удивился Михаил, — а Тигра-то в сложившихся условиях становится незаменимой».

— Давай, подруга.

Оружейник отлил немного драгоценной жидкости в колпачок, крыса не стала жеманиться,

полакала, стрелок налил еще, но на этот раз напарница отказалась, послав предупреждение: «Пить много опасно». Теперь Миха легко различал свои эмоции и пришедшие от Тигры, они будто толкались в его голове.

— Спасибо, что предупредила, — в правоте напарницы он даже не сомневался. — То что могу, то что могу, — повторял и повторял мужчина, оплачивая и оплачивая, вынимая и вынимая из автомата, как ему казалось, сладкие батончики с наибольшим содержанием орехов.

Тигра не сразу распробовала своеобразно пахнущую пищу, долго шевелила усами, принимаясь, а после накинулась на арахис, будто голодающий вегетарианец, следом с таким же рвением без всяких там распознаваний вгрызся Тень. Укусит и бежит к Оружейнику, будто приглашая: «Ну что же ты, Большой, отстаешь, вкусно, питательно, давай, а?». Пискнет и снова бежит к оставленному батончику.

Цирк, да и только. Пришлось Большому и себе взять эту непонятную хрень, и только после того, как он куснул вкусняшку, мелкий борец за справедливость наконец успокоился. Пока Оружейник употреблял так полюбившийся его команде батончик, запивая это недоразумение настоящим горячим кофе, усмотрел кое-что интересное, и еще одной загадкой стало меньше. Всю жилую зону окружали камеры, а паутина проводов в конечном итоге жгутом сводилась за заднюю стенку сейфа, так что его предназначение стало очевидным.

«Ба, да здесь все держали под контролем, скорей всего, и сейчас сервер картинку фиксирует. Ключи от этого богатыря я вряд ли обнаружу, они, наверное, где-нибудь в куче дерьма, далеко за пределами этого места. Вся надежда на Тигру и на ее когти, на крайний притащу сюда корд и попробую универсальный ключ крупного калибра, — Михаил прищурился, разглядывая сейф, а после перевел взгляд на манящее ночное небо. — Узнать информацию с записей, конечно, интересно и жизненно важно, надеюсь, ее удастся снять, но здесь хотя бы худо-бедно все осмотрено, а вот открытая дверь меня напрягает. Твари ушли отсюда через выход на крышу, другого пути после взрыва попросту не осталось, так что надо бы в первую очередь определить, смогут ли они вернуться, да и осмотреться не помешает».

Осмотр двухстворчатой и абсолютно целой двери порадовал — массивные железные створки, по всем правилам, открывались наружу, изнутри кто-то приварил кованую самопальную щеколду с квадратным запирающим пальцем, скорей всего, продукт не нашего времени, раньше такие вещи делали солидно и на века. Крыша оказалась плоской, совсем рядом с выходом возвышался кирпичный парапет, посеченный когтями тварей. Уходили они здесь.

Оружейник подполз к ограждению, подтянулся, глянул вниз — метров пятнадцать будет, прямо у стены большая клумба, развороченная, будто на ней бульдозер порезвился. С этим все было понятно, а вот округу Миха не узнал совершенно. Раньше здесь стояли здания, гаражи, высокие деревья, которые кое-где росли почти вплотную к тире, а теперь — пустырь, тянувшийся до самого Копорского шоссе, заросший луговой травой. Лес со стороны Копорской губы вовсе был вырублен километра на полтора.

— Хорошую тут себе устроили стрелковую позицию, — хмыкнул Оружейник и перевернулся на спину.

Ночное небо, понятное дело, привлекало его куда больше, выглядело бесконечно красивей и грандиозней, чем все, что находилось на земле, и было так же бесконечно необъяснимо, прямо до дрожи в коленках, ведь Михаил не узнавал ни одного созвездия. Звезды он читал их хорошо, причем в любом месте земного шара, эти знания вбивались в подкорку еще с Нахимовского.

Только луна не вызывала недоумения.

«Сегодня первое января, третьи лунные сутки, фаза луны растущая, освещенность восемь-девять процентов», — мысленно перечислил известные факты Войнов, глядя на тонкий серебряный серп, такой, каким ему и положено быть.

Кроме незнакомых созвездий, были и другие странности. Несмотря на зимний сезон, вдруг подул предрассветный утренний бриз, теплый, градусов так восемнадцать. Откровенно пахло летом, и несколько сверчков где-то недалеко всюсю наяживали свои извечные рулады.

Сосновый Бор проглядывался отчетливо, но ни один огонек не горел, ЛАЭС узнавалась только по огромной трубе и до боли знакомому золотому отсвету, огни Приморска тоже нигде не мерцали. Миха вгляделся в сторону Питера — ничего, свинцовая мгла. Сестрорецк, Кронштадт, Ораниенбаум, Петродворец, их свет тоже обычно хорошо виден, на худой конец маяки Толбухин, Полосатый, Пьяный, корабли на рейде... нет, ни искорки.

Мужчина присел и с облегчением подумал: «А может и к лучшему, это явно не Земля, и там у них все штатно, Батя живой»... Вздохнул, погрузил с минуту, достал флягу с Живой Водой и поднял ее к ночному небу, глядя на звезды, и обратился с тоской:

— Бывай, Сергей Павлович, бывайте, Медведи, вспоминайте меня, и я вас буду.

Глотнул, занюхал рукавом.

* Страховочный канат.

<http://tl.rulate.ru/book/15403/304851>